

Из всех упоминаемых профессий именно скomorошьей уделено в „Молении“ наибольшее внимание. „Яко орел, ин, воспад на отояр (фар?), бегае чрез потрумие, отчаявся живота; а иный летае с церкви, или с высокие палаты, паволочиты крылы имея; а ин наг течет во огнь, показаше крест сердце своих царем своим; а ин, прорезав лысты, обнажив кости голеней своих, кажет цареви своему, являет ему храбрость свою; а иный, (ск)очив, метает вся в море со берега высока со отцем своим; отче, накрив о фареве, ударяет по бедрам, глаголет сице: ту фенадрус! за честь и милость короля нашего отчаяхомся живота; а ин, привязав вервь ко кресту церковному, а другой конец к земным отнесет далече и с церкви по тому бегае долов, единою рукою за конец верви той держит, а в другой руке держаще мечь наг; а ин обвився мокрым полотном, борется с лютым зверем“.¹

В „Молении“ обращают на себя внимание постоянные взывания к щедрости князя, мольбы о подаении. Если Даниил „заточник“, то он не молит о свободе; если он случайно попавший в опалу человек, то он не молит князя о восстановлении своего бывшего общественного положения. Единственное, о чем он молит князя с полной определенностью, — это о подаении. И форма этой мольбы как бы вводит нас в обстановку пира: „И егда же веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуши; или пиеси сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пьюши“.² Он просит милости, вернее милостыни, у князя. „Но не възри на мя, господине, аки волк на ягна, но зри на мя, аки мати на младенец. Возри на птица небесныя, яко тии ни орють, ни сеють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жадаем милости твоя“.³ Мы — это, очевидно, целая категория зависимых от князя людей. Это не один „заточник“, якобы впавший в личную немилость. О немилости, собственно, и речи нет в „Молении“. Даниил, напротив, подчеркивает щедрость князя, взывает к его щедрости: „Тем же вопию к тебе, одержим нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимирера, да не восплачюся рыдая, аки Адам рая; пусти тучю на землю художества моего“.⁴

„Господине мой! — взывает Даниил. — Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облак богата несмыслена“.⁵ Он просит не раздавать золото и серебро кому попало: „Псом бо и свиниям не надобе злато, ни сребро“.⁶ Он уверяет князя, что если бы не горькая нужда, он не стал бы просить его: „Аще бых украсти умел, то толко бых к тебе не скорбил“.⁷ На протяжении всего „Моления“ Даниил просит князя только о материальной милости — о золоте, серебре, о подачке с княжеского стола. „Княже мой, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимого ястреба, яко овца от уст лвов“;⁸ „Княже мой, господине! Все напищаются от обилия дому твоего, аки потоком пища твоя; токмо аз един жадаю милости твоя, аки елень источника воднаго“.⁹

Из всех качеств князя больше всего привлекает Даниила щедрость. О ней-то постоянно и напоминает Даниил: „Князь щедр отець есть

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 21.

⁶ Там же, стр. 24.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Там же, стр. 12.

⁹ Там же, стр. 54.